

Поддержите syg.ma, если хотите, чтобы мы продолжали существовать и оставались независимыми

—
В феврале собрано: 3950 ₺

Арсенал. Волго-Вятский филиал Государственного центра современного искусства в составе РОСИЗО

Поймѐднѐх?! Новые русские вопросы к Горацию

Александр Курицын 17:52, 03 февраля 2018 838

Добавить в закладки

Добавить в коллекцию

Вариации современных российских поэтов на наиболее востребованный и наиболее переводимый в истории русской литературы классический текст ода Горация «Я воздвиг памятник».

Поймѣ днѣх!? Новые русские вопросы к Горацию.

Поэтическая
Арсенала

20
17

Гасан Гусейнов
Quintus Horatius Flaccus
Алексей Колчев
Мария Степанова
Фаина Гримберг (Гаврилина)
Андрей Родионов
Данила Давыдов
Николай Кононов
Евгений Стрелков
Виталий Кальпиди
Максим Амелин
Григорий Стариковский
Дед Хоссан (Валерий Нугатов)
Андрей Сен-Сеньков
Сергей Завьялов
Дмитрий Данилов
Николай Звягинцев

издание Волго-Вятского филиала ГЦСИ
в составе РОСИЗО
и Free Poetry

FreePoetry

Поймѣднѣх!? Новые русские вопросы к Горацию. Поэтическая серия Арсенала. Нижний Новгород: Волго-Вятский филиал Государственного центра современного искусства в составе РОСИЗО и Free Poetry. 2017. В рамках фестиваля текстов об искусстве «Вазари» www.vasarifest.ru

На руинах двух эпох

как вороватый младенец Гермес изобрел лиру, а потом завистливый перфекционист Аполлон выменял ее у братца за говядину, потому что денег тогда еще не было.

Первые удары по струнам лиры Гермес наносил, когда те еще были выпачканы в коровьей крови, а потом эта деятельность — бряцание по струнам и подвывание голосом — стала профессией. Поэт, вития, *vates*, стал человеком, который мог состязаться с инженерами, строителями, архитекторами — двигать камни, подслушивать речи зверей и птиц, поднимать целые народы на бегство из одной части света в другую.

Когда Гораций писал свой «Памятник», он говорил от имени людей, понимавших, что строительство дорог и домов, храмов и городов невозможно без книги стихов, написанных на языке архитекторов. С другой стороны, о том же писал Витрувий в трактате об архитектуре: нельзя стать архитектором, не зная поэзии. Гораций становится понятнее современному читателю, если увидеть, что вся его поэзия — это словесная архитектура — от сложно-богатой строфики до роскошного географического атласа, которым является свод его сочинений, — мы пойдем каждое стихотворение, если увидим его в книге. «Оды» Горация приходится перечитывать много раз, чтобы разглядеть и этот атлас, и план римского города, по которому мы вроде бы только что проходили, но не заметили чего-то очень важного. Например, пропустили площадь с колонной или прошли под сводами здания, не увидев, что это — триумфальная арка. Не каждая эпоха видит, ценит и любит эту сложность и это богатство. Чтобы начать любить Горация, а это значит для поэта — состязаться с ним, нужно увидеть и еще кое-что: Гораций мотивирует невероятную сложность, сконструированность, выстроенность своей поэзии тем, что когда-то отказался от собственной политической субъектности. После гражданской войны он стал придворным поэтом, навеки бросив и копье, и щит. Его золотая середина — это курс культурного сопромата, но и — вызов реальности. Объявляя, что его поэзия переживет настоящие камни, из которых построен Город, Гораций все-таки спорит со своим веком. Очень замысловато, понятно только для посвященных, но спорит.

Вот почему каждый новый век, подступающий к переводу, перетолкованию «Памятника», тем ближе к Горацию, чем ему яснее точка, где поэту пришлось сдать как политическому субъекту, и тем дальше от Горация, чем более тошно ему живется в этой вот исторической эпохе.

Августа». Гим после смерти Августа, мекената и Горация простоят еще полтысячелетия. А после русского «Августа» — товарища Сталина, победителя в Гражданской войне, прошло всего полвека, и империя его слиняла за одну ночь. Выдохлась на протяжении жизни одного поколения и десятилетняя вольница. Полтора десятилетия постсоветской «реконкисты» нанесли новый удар по русскому языку и русской поэзии.

Что мы оставим после себя? Что осталось после ушедшего возлюбленного? Каким будет наш «памятник прочнее металла»? Гений Горация, вселившись в невероятно разных поэтов наших дней, производит с их языком, образностью, строфикой такие замечательные разрушения. Создает такую великолепную РУИНУ, что для описания ее нужны особые средства. Отдавшись стихии, попросив свою музу заговорить на языке «Памятника», поэты обнаруживают такую незащитность перед своим временем и своими потерями, что от невероятной цельности и гармоничности Горация остаются одни осколки. Острые осколки гранита или стекла. Первой крупной форме нашего сборника — балладе Фаины Гримберг «Дождь» — Гораций подарил возвращение к одной из самых древних форм пародии — пародии в форме трагедии. Да, пародируется самодовольство Горация, но получается — трагедия. Как только на место всемирной славы и размышлений о золотой середине приходит живая потеря, боль, каждая цитата разворачивается и режет, как острое стекло, старые контексты.

зажмурю мокрые от слез глаза...

И тленье убежит...

и тленье убежит...

Остранение цитаты — «и тленья убежит» Пушкина в «и тленье убежит» у Гримберг — делает весь мотив пародийным и трагическим одновременно. Не успел улыбнуться, а уже слезы из глаз.

Куда же оно убежит, если слово «памятник» в живом русском обиходе употребляется не столько в значении «монумент», сколько в значении «надгробие». Поэтому Андрей Родионов даже не успевает начать свое подражание Горацию, а уже надобно кончать:

Памятник скромный, неэпатажный,

Где жили они. Не будем об этом.

В этом диапазоне — между монументом чувству утраты и аватаркой девятиэтажки-колумбария, где сгрудились похожие судьбы людей двух проскакавших перед нашими глазами эпох — вся наша книжица.

Здесь Мария Степанова вовсе не находит места для памятника: есть «третий человек: природное орудье / С тоскою в животе, со сквозняком в предгрудье».

Здесь Алексей Колчев признается в невозможности и в нежелательности вообще упражняться в восхождении в вечность: зачем, если там «Пушкин корчится от боли / пишет чудное мгновенье»?

Здесь Данила Давыдов верит, что имя его произнесут уже не тунгус и калмык, а марсиане.

Здесь Николай Кононов показывает, что было бы, если бы стихи Горация испытали то, что на деле пришлось пережить руинам города Рима. «О, да!» «О, я воздвиг!» — что, чего, где? Одни руины!

Здесь Евгений Стрелков надеется, что «волжские струи» еще могут волшебным образом спасти его от судьбы руин.

Здесь беспощадный Виталий Кальпиди видит, как «Модели вавилонские в сортире / до кучи созидает человек»...

Здесь Максиму Амелину еще горше неотличимость «венка от венника», от нее и желание посмеяться над Горацием.

Здесь у Григория Стариковского Рим Горация — Соединенные Штаты. Такие живые, как пуэрториканка, торгующая сельдереем, и такие хрупкие, такие ранимые, как свежесть листа салата. Гораций бы, верно, и сам всплакнул на этом самом месте.

Здесь гневный, грозный Валерий Нугатов дает маленький урок понимания того, во что последние несколько десятилетий превратили русский обиходный, общественный язык: «Какой такой памятник? Не надо было дедушку убивать!»

Здесь минималист до дрожи Андрей Сен-Сеньков с медицинской дотошностью объясняет Горацию, что по правилам действует только

на части.

Здесь Дмитрий Данилов пишет стихотворение о том, как он писал это стихотворение, и натягивает, натягивает лук, а потом вспоминает, что Гораций-то с поля боя бежал, бежал. Не бежать ли и ему? Не в этом ли смысл — убежать, потому что быть знаменитым некрасиво?

Здесь Николай Звягинцев советует собраться и не очень-то ждать молодого Горация, потому что, если тот придет, то «вылетят пробки у всей страны».

Вторая крупная форма нашей книги — «квартет» Сергея Завьялова. Хитроумно и просто Завьялов подвел четыре опоры: латинский оригинал, прозаический гимназический перевод, заметки на полях воображаемой газеты и — подлинный отчет о том, что бывает в здешнем, земном, а не в геликонно-пиитическом разрезе. Гораций торжествует в этом «квартете» как поэт нашего времени. Муза разрушения все-таки пришла и для того, чтобы кто-то понял наш косноязычный век — пусть не сейчас, пусть еще через поколение. Не так-то просто было сидеть на руинах двух эпох.

Гасан Гусейнов

2017

Мария Степанова

1.

Я памятник тебе на месте этом зычном.

Скамейки на горбе. Слегка навеселе.

И он не зарастет — он в саде Ботаничном,

Где праздных каблуков не сносит населе.

Любой безлюдный метр, повыше ли, пониже —

Футляр для тыия, пустая нами ниша.

Блаженный уголок,

Куда бы уволок.

Лисицы и гуся

Седьмые воздуха.

2.

Я памятник себе на месте этом зычном.

Скамейки на горбе и в саде Ботаничном.

Две трети метра вниз от трели соловья.

Две трети метра ввысь от почвы и сырья.

Я старый соловей. Жасминовое место,

С которого гляжу, как мается невеста, —

Привычный полигон для пения в мишень:

Макушку ай лав ю и два ее ушей.

Ты третий: человек: природное орудье

С тоскою в животе, со сквозняком в предгрудье.

Двупятками в траву. В двупястия челом.

Чтоб сам себе чердак и сам себе чулан.

И долго будем тут любезны мы друг другу,

Как с милым под венец или синица в руку.

И долго будем так: втроем как триколор.

И явный тайный знак налево приколов.

2000

Алексей Колчев

Я ПАМЯТНИК СЕБЕ

пушкин пушкин достославный

гоголь тоже достоевский

должен все же кто-то главный

прочее — литература

помню проходили в школе

купол павловский условный

называется культура

пушкин корчится от боли

пишет чудное мгновенье

помню помнишь помнит помним

муза гений вдохновенье

приходили к самым умным

приходили проходили

пушкин корчится от пули

главное — литература

2013

Андрей Сен-Сеньков

ГОРАЦИЙ ТУТ РЯДОМ

у рухнувшего памятника всем поэтам

сцепившись зарифмованными мизинцами,
которыми умница смерть
чистит свои зубы правильно, по вертикали,
а жизнь
по невыносимо горизонтальному беленькому злу

2017

Андрей Родионов

ПАМЯТНИК

Двадцать второго я был в Тропарево,
Встретился там с Константином, итожу:
Будет хороший памятник тете,
Папе и дядя Сереже.
Памятник скромный, неэпатажный,
Черный, гранитный, он силуэтом
Похож на дом девятиэтажный,
Где жили они. Не будем об этом.

2017

Дед Хоссан (Валерий Нугатов)

ЗЗО ПОЙМЕДНЕХ!

поймеднѣх ендѣ уннучехѣ од зловѣ поймед ув ендемойлохеѣ броезходедь!
ендѣ шобѣ вѣ фсьѣ ззо дедужка нойшовѣ ннѣзромьненѣновѣ ннѣзойбѣволлѣ!
подомюше ннѣхуй бѣлло дедужка убейводь!
од шо ъѣ вом зкожю дойрохоѣ вѣ моѣ!
пейдоррозѣ подомюше!
од пойчомю!

2017

Данила Давыдов

***

воздвиг памятник в честь свою не из полимеров,
стали или пластика какого, не из наночастиц,
не из еще какой-нибудь ерунды преходящей,
а исключительно из силы своего понимания.
не не требуется физическое бессмертие,
поскольку оно чудовищно, как чудовищны все тела,
мне дороже само понимание того,
что я сделал нечто совершенно абсолютное.
возможно, впрочем, я и не сделал ничего абсолютного,
возможно, это иллюзия или самолюбование,
но это ведь тоже памятник на свой манер:
памятник иллюзии и самолюбованию

что симфония излучений центральной черной дыры
повторит перед тем как пожрать все эт, имя мое

2017

Николай Кононов

О, ДА!

из Горация

Exegi monumentum

А я воздвиг монумент. Меди прочнее он!

А я памятник воздвиг огромный и чудесный!

А я воздвиг монумент, незаметный на вид!

А я памятник себе воздвиг!

А я памятник воздвиг меди нетленнее!

А я вековечней воздвиг меди памятник!

А я памятник создам не на земной твердыне!

А я крепче меди себе создал памятник!

А я памятник воздвиг, меди прочнее он!

А я воздвиг памятник металла долговечней!

А я создал памятник меди победнее!

А я памятник себе воздвиг чудесный, вечный!

А я памятник себе воздвигнул долговечной!

А я воздвиг памятник могучий!

А я крепче бронзы литой создал памятник!

А я знак бессмертия себе воздвигнул!

А я долговечней воздвиг меди памятник!

А я памятник создал — выше пирамид!

А я воздвиг монумент. Меди вечней!

А я славой превзошел бронзу ристалища!

А я память выристал бронзы нетленнее!

А я не из бронзы себе создал памятник!

А я...

2017

Евгений Стрелков

ПАМЯТНИК

Мне памятником — взвесь,

Процеженная ситом,

Прошитая иглой, прибитая петитом.

Напрасно треплет том щекастый Аквилон

— всей меди крепче он.

Он пирамид превыше,

Поскольку он — эфир,

И литер пухлых взвесь

Поэзии поток способен в выси взнести,

Трудов и дней настой,
Как губкой, впитан той
Субстанцией в эфире.
И эолийский строй
Над лоном волжских струй
Настроил я в иной, неведомой цифири.
Я Мельпомены звук ловил порой ночной,
С русалочьих рулад снимая негативы.
И в знак моих потуг, могучий Ахелой,
Ты одари меня венком с прибрежной ивы.

2017

Виталий Кальпиди

* * *

я навалил таки кучу (вольный перевод Горация)

Ты точно видишь, что я отчебучил?
Какое я надгробье наваял?
И в модном платье лег под ним до кучи,
как Гуччи мог сказать, но не сказал.
Как написал английский папарацци
не в Лондоне, а в датской стороне:
«Есть многое на свете, друг Горацио,

до кучи созидает человек.

Нехай так все и будет в этом мире,

тем паче, что «нехай» — почти хай-тек.

Я был зарыт в песок (какого хрена!)

от шепчущего моря в стороне.

Мель не по мне! Ты слышишь, Мельпомена?

И щель мне, Мельпомена, не по мне!

2017

Григорий Стариковский

* * *

imber edax...

Гораций

под медную вывеску вечером

забегает народ — прикупить на салат

что-нибудь свежее, летнее

с теплых грядок виргинии.

мельпомена, толстуха моя,

зеленщица, варварка, пуэрториканка,

сельдереем, морковной ботвой

от щедрот увенчает — давай,

лауреатствуй, корявый поэт;

клокотаньем уолта уитмена.

белы крылышки вспенятся, взмою

над кривыми заборами, складами,

мастерскими и полем футбольным,

над погостом, где спят лютеране.

не сожрет меня дождь, не расклеит

неистовый северный ветер;

просыпайтесь, скажу, лютеране,

вы исчезли еще не совсем,

будем рядом сидеть на террасе,

слушать шарканье стертых подошв,

пить паленую водку латынь,

огурцом заедая виргинским.

2017

МАКСИМ АМЕЛИН

Опыт о размножении памятников

(Флаккова ода на новый лад)

Не знаю, что у меня получится. —

Угнаться пробовал за Горацием

напрасно я в молодые годы,

а нынче стопы уже не те:

влачусь Ахиллом за черепахой,
одолевающей третий круг.

За два последних тысячелетия
громадных памятников количество,
нерукотворных и рукотворных,
в разы умножилось на земле:

любой строчила из начинающих,
из грязи в князи, себе любимому
прочней всех прочих и величавей
тщеславится на века воздвичь.

Пышнее, чем на Гаванском кладбище,
гробничных мраморов я не видывал,
но разъедающих ливней натиск
и ветров надписи с них слизал;
как под присмотром первосвященников
неподалеку, вдоль Капитолия,
толпятся девы ежевечерне,
так постоянных все ждут честей.

И я меж ними (лукавить незачем),
неравномерным разноконечником
свободной речи задав границы,
пролезть без очереди стремлюсь,
тех мест, где Кур маловодный с Тускарью

хоть уроженец, но не жилец.

Заслугам родина не оценщица

и нет пророка в своем отечестве, —

с чужого голоса и посмертно

долги наследникам возвратят,

но для того, кто остаться в памяти

небесной, а не земной пытается,

где длится вечностью миг, едва ли

венец от веника отличим.

Но если надо поставить все-таки

хоть что-нибудь посреди ристалища,

где как судья неподвижно время,

пока пространство берет разбег, —

давно разбитых осколки пестрые

колонн и статуй пускай с обломками

оград чугунных, скрепляя, свяжет

раствор, замешанный на судьбе.

2017

Сергей Завьялов

КВАРТЕТ НА ТЕМУ ГОРАЦИЯ

regalique situ pyramidum altius...

Я оставил напоминанье о себе прочнее

чем бронзовая статуя и выше,

чем пирамиды фараонов.

Каждый из нас завершил свой труд,

хотя мало кто с ним справился,

мало кто остался доволен:

воину не хватило мужества совершить подвиг,

жрецу не хватило веры совершить чудо,

дельцу — хитрости разбогатеть,

бедняку — сил спасти от голода своих детей.

О немногих хоть кто-то помнит.

Памятник расположен на землях колхоза «Якстере теште (Красная звезда)» одного из районов Мордовской АССР с эрзянским, по преимуществу, населением и охватывает время с XIII по XVI вв. Всего исследовано 267 погребений (мужские — 58, женские — 71, неопределенные — 36, 39 парные, 52 детские, на особо отведенном участке), в том числе 11 конских захоронений.

Основным типом погребального сооружения на могильнике является простая яма с отвесными стенками, горизонтальным дном и овальными углами.

Длина мужских могил колебалась в пределах 230–270 см, женских — в пределах 150–210 см. Ширина мужских могил достигала 60–100 см, женских — 50–80 см.

Глубина залегания мужских костяков достигает полутора метров, женские скелеты (за исключением парных захоронений) находятся по преимуществу на глубине 60–70 см, детские трупы обычно хоронились в неглубоких ямах, не превышающих 40–50 см.

**possit diruere aut innumerabilis
annorum series et fuga temporum.**

*Его ни разъедающая сырость ни ураганные ветра
не смогут уничтожить ни череда годов —
теченье времени.*

Наши тела обезобразивала старость,
увечили болезни и раны,
уродовал труд.

Их съедали животные и люди,
их сжигали на кострах, зарывали в землю, топили в воде,
разрубали на части, истязали пытками,
вмуровывали в камни, бальзамировали.

Погребение 2, мужское. Ориентировано головой на север. Костяк покоился на спине с вытянутыми конечностями. Левая рука была согнута в локте, кисть приходилась на лобке. Правая рука отсутствует.

Справа от разрушенного черепа лежал втульчатый железный наконечник копья длиной 24 см. С левой стороны у бедра находился массивный широкообушный топор и обломок железного предмета — часть крюка от колчана. В той же области, но несколько глубже, найдено большое количество мелких железных предметов, по-видимому стрел, а также миниатюрная маска, изображающая голову быка с рогами и утрированно выпуклыми глазами, и литая бронзовая подвеска с рельефным орнаментом, представляющим человеческую фигуру, замахивающуюся палкой на животное.

Между голеньями ног лежал железный кочедык. Слева же, по-видимому в кармане, находилось кремневое кресало. В области ступней находились небольшие лоскуты кожи и железные маленькие подковки от сапог. В 25 см со стороны ног лежал целый череп барана, а под ним скрещенные кости ног того же животного.

vitabit Libitinam:

Я умру не до конца многое во мне

избежит унылых похорон:

Перед смертью мы теряли рассудок от ужаса или боли,
впадали в бесчувствие, приходили в исступление.

Чаще всего не понимали, что происходит.

Кто-то боялся ада и раскаивался,
кто-то ничего не боялся и верил в рай.

Погребение 33, женское. Часть одновременного парного погребения по левую руку от мужского. Ориентация захоронения — ССВ. Умершая была уложена на правом боку с согнутыми ногами в положении спящего человека. Вся нижняя часть костяка погребения отрезана могилкой более позднего захоронения.

Полуразрушенный бронзовый венчик окрасил в зеленый цвет лобные кости черепа. За черепом на расстоянии 15 см от него была поставлена берестяная коробочка, в которой находилось начатое женщиной рукоделие — вышивка цветными шерстями, моточки тонкой шерсти, иголка и кусочек ткани.

Под костями позвоночника лежала коса длиной 42 см чрезвычайно плохой сохранности, оправленная в лубяной футляр, перевитый бронзовой полоской (т. н. пулокерь). Одиннадцать гладких серебряных сьулгам (фибул) были найдены в области груди. Кроме сьулгам одежда на груди была украшена большим количеством сердоликовых бус, которые были нашиты сплошными рядами и спускались почти до пояса.

На месте фаланг правой кисти найдены три серебряных перстня, один из них — с овальным голубым камнем. На левой руке было надето пять запястий, из которых одно тройное, проволочное, витое с петлей и свободным концом с каждой стороны.

Помимо описанных предметов в разных частях груди найдены обрывки шерсти: остатки вышивки и кисточки, которые пришивались к рукавам.

crescam laude recens, dum Capitolium

scandet cum tacita virgine pontifex.

Мое признание будет расти среди потомков

пока священнодействует

среди благоговейно внимающих девушек

верховный жрец.

После чьей-то смерти враги насильовали его женщин и убивали его детей.

После чьей-то — сородичи приносили его младшую жену в жертву покойному.

О чьей-то смерти так никто и не узнал,

чью-то никто не заметил,

чья-то была десятикратно оплачена другими смертями.

Погребение 214, девочка-подросток не старше 13-14 лет. Ориентация захоронения ССЗ. Череп девочки сохранился плохо, в районе шеи найдены эмалевые коронки зубов, по которым и был определен возраст покойной. Коса, обвитая тонкой бронзовой проволокой, лежала спереди рядом с предплечьем левой руки.

В области черепа найдено большое количество цветного стеклянного бисера, бус и раковин, а также остатки шерстяных ниток и кисточек.

Украшения обуви разрушены. Обувь кожаная. Лодыжку обхватывали два ряда спиральных пронизок, пропущенных через разрезы в коже. От них, вниз по подъему стопы, отходили четыре трубчатых пронизки, ниже которых на коже прикреплялась шумящая привеска. Трубчатые пронизки с этой привеской были подвижны и на них с каждой стороны находилось по четыре шумящих привески. Пронизки не скреплялись с боковыми стенками обуви, края которой вдоль привесок по всей длине надрезались. Возможно, это было сделано для получения большей эластичности обуви.

et qua pauper aquae Daunus agrestium

regnavit populorum,

Про меня скажут

что я —оттуда где грохочет

в горах рожденная река оттуда

где над каменистыми полями

когда-то правил

прародитель нашего народа,

Чье-то мертвое тело убирали как нечистоты,

чье-то лишили погребенья, оставив псам и птицам,

чье-то участвовало в красочном спектакле,

чье-то было превращено в культовый объект.

Погребение 136. Костяк детский (девочка), ориентирован головой на СЗ. От костяка сохранились бедренные кости и молочные зубы. В нижней части груди находилась бляха с крышечкой, а поверх нее — браслет и фаланги пальцев правой руки.

Возле черепа с правой стороны найдено небольшое количество птичьих костей, а несколько поодаль, с той же стороны, находился небольшой разломанный глиняный горшочек, лепленный от руки. В области предполагаемой ключицы найдены деревянные зубья от гребня, на груди несколько цветных фарфоровых и стеклянных бусинок, а также бронзовая привеска в виде конька без головы.

VI

ex humili potens

princeps Aeolium carmen ad Italos

deduxisse modos.

*что первым приспособил поэтическое мастерство господ
к речи угнетенных.*

Кто-то возвысился из ничтожества и был прославлен,
кто-то опозорил свой род и был проклят.

Кто-то ежедневно думал о куске хлеба,
кто-то страдал от бессмысленности происходящего.

Кто-то всю жизнь униженно прислуживал другим,
кто-то, наоборот, жил за их счет.

Отличительной чертой погребального обряда в XIII–XVI вв. является захоронение коней на общей площади могильника, чаще в общих рядах с умершими людьми. Особенностью погребального обряда коней является их ориентировка, противоположная принятой для людей.

По составу и расположению костяков выделяются две группы погребений. К первой относятся захоронения полных туш животных. Чаще туша расчленялась (вторая группа). При захоронении отдельных частей туши коня обычно в одном конце могильной ямы укладывалась на брюхо задняя часть (или только задние конечности с тазовыми костями), в противоположном конце — передняя часть, которая укладывалась преимущественно на правый бок. Голова ставилась на дно могильной ямы или прислонялась к наклонной торцевой стенке, резцами вниз.

VII

Sume superbiam

quaesitam meritis et mihi Delphica

lauro cinge volens, Melpomene, comam.

Прими же этот удел с достоинством:

венюк лавровый заслуженно венчает

трагедийный дар.

Бедняки— от последствий непосильного труда,

Женщины — от последствий деторождений,

Девушки — от последствий любви,

Большая часть детей не выживала.

В погребении 13 найден серебряный дирхем.

Надпись на аверсе:

Султан правосудный Гийас-ад-Дин Мухаммед Узбек-хан,

да возвеличит Аллах победу его.

Надпись на реверсе:

Нет Бога кроме Аллаха и Мухаммед Пророк его.

Чекан Мохши (сейчас — город Наровчат Пензенской области),
да сохранится он от бед.

В год (Хиджры) двадцать семьсот (1320 от РХ).

В погребении 47 также найден серебряный дирхем.

Надпись на аверсе:

Султан справедливый по милости Аллаха

Джелал ад-Дин Махмуд Тохтамыш-хан,

да продлится правление его.

Надпись на реверсе:

Жизнь есть час: употребляй ее на дела благочестия.

Власть Аллаху. Нет товарища ему.

Чекан богохранимого Мохши.

В год (Хиджры) пять восемьдесят семьсот (1384 от РХ).

А У ВРЕМЕНИ НАСТУПИТЬ КОНЕЦ

2017

Фаина Гримберг (Гаврилина)

ДОЖДЬ

Все в памяти моей в смятении встревожено летит

как будто птичье перышко одно под ветром

как будто слышу снова

мой отец мне говорит...

Отец мне говорил с улыбкой странною своей:

«Он, Он останется...

Мы умрем, а он останется!»...

Отец мне говорил

и верю до сих пор всегда:

Конечно, Он останется; и это правда все, все правда:

Он останется,

я верю:

Он останется,

отца и мой любимый

боготворимый Бог

Лев Николаевич,

конечно, Он останется,

и тленья убежит.

Его слова останутся в больших и сильных книгах

И будет сердце трепетать и повторять до боли:

Война и Мир...

Но в спальне,

где она сидела столько раз;

где обливной кувшин и умывальный таз...

Она сидит одна

и пальцы сжав до боли

она придумывает мысли поневоле

о Нем...

Теперь я это поняла!...

На целый день ушел

ушел наутро

сказал хорошие слова

сказал наутро

И ушел...

А, может быть, уже и разлюбил...

И прежде не любил...

И целые часы так могут уходить...

И целые часы так можно проводить,

переводить в мучительные мысли:

ушел...

.....
сказал неправду?

правду мне сказал?

сказал, что я красивая

смотрел

смеялся улыбался говорил...

Немножко любит... чуточку...

Лицо в ладни спрятать...

прижать ладони и закрыть глаза...

Теперь я это поняла!...

А тленье

а тленье от каких усилий убежит?

Когда усилия мои...

какие?

И для чего они?...

Когда-нибудь придет свобода вновь

и кто-нибудь кому-нибудь другому скажет обо мне:

давайте это переиздадим,

ведь это хорошо и занимательно читать...

Когда-нибудь... кому-нибудь...

и снова издадут...

когда-нибудь...

И неужели это

и будет

и «тленья убежит»

и «часть меня большая»?...

Да?

Вот это?...

Неправда!

Нет...

Не надо никогда...

И где же в это время буду я?...

А ты?...

Ты мертвым телом будешь плыть.

И ноги длинные твои

и косточки твои, мои родные,

Подземная река тихонько будет мыть...

до белых косточек отмочит эти ноги руки

мои любимые

ладони губы щеки

и маленький колючий подбородок...

Ты... Ты...

В каком исчезновении тревоги

Ты будешь навзничь плыть издалека?

И длинные и голые твои босые ноги

Тихонько будет мыть подземная река...

Не надо так!...

... твоей живой рукою...

Не надо страшного.

Я знаю что такое

все лучшее мое,

та «часть меня большая».

Она бывает ночью,

когда сержусь на этот пресный запах

воды и мыла от тебя...

Ты помнишь? это было в комнате твоей...

пусть он уйдет скорей...

И будет тихое придет

дыхание живое тела твоего...

когда оно... движеньем...

И серые глаза глядят печальным странным выраженьем

обиды и презрительности детской...

Тебя обидели?

Воткнули в маленького ежика свои иголки

и похоронили?

живого, плачущего детскими слезами...

Не надо так...

Не надо...

И скулы колются...

и большие зубы открываются в улыбке быстрой

когда чуть-чуть в улыбке — рот —
изогнутые острые и тоненькие складки...
Такое было все у моего отца...
Шершавые ладони...
и пальцы длинные
на полторы октавы...
И волосы мокрые после купанья...
Ну как мне о тебе говорить?!...
Все ласковые нежные слова
померкли
отяжелели выцветели
упали вниз,
как будто пчелы мертвые они упали
И больше никогда не полетят...
И только остаешься ты один
высокий тонкий легкий
студент цветочный из немецкой сказки,
цветок-чертополох...
Нет, Апоксиомен...
еще куда-то дальше...
в древность далеко...
Звучание красивых звуков: Апоксиомен...
высокий длинный хрупкий

упадет неловко оземь или в небо улетит?

шагнет ко мне?...

А мускулы такие тонкие и чистые,

на них песка палестры больше нет...

В движении живом живой,

а не из греческого камня вылепленный...

Остаешься ты один...

И невольно; не знаю, как это; невольно

такой прозрачный призрачный невольный

точишь свет вокруг...

свечение одно...

Мои слова померкли

а ты один в такой далекой темноте

окраины большого города, большой Москвы –

моя свеча, мой свет...

Неправда все плохое! Все хорошо.

А потому что это ты –

все лучшее мое, та «часть меня большая»...

Когда проходишь по музейным залам

и раскрываются послушные картины

тебе

твоим словам

навстречу

который знает их.

Ведь ты художник

ты сравниваешь знаешь все, что в них...

... кувшины обливные

и женщины голые красивые тела,

всегда живые,

и все цветы и яблоки в букетах на холстах –

навстречу этим ключикам –

твоим словам

послушно и доверчиво идут к тебе

и раскрывают краски...

когда иду с тобой через музей...

Все правда, если целовать висок...

Все настоящее, все правда, все похоже...

лицо и тело

И родинки цепочкой тонкой

через худую грудь бегут наискосок

По этой длинной худобе мужской мальчишечьей

по этой светлой нежной коже...

как будто зернышки рассыпанные

крохотные яблочные...

Весь — худой...

Худой и длинный...

нависает на лету

одно такое живое тело в полутемноте

светлыми теплыми пятнами...

И вверх уходит снова...

И вспомнить не могу...

нет, помню...

а название забыла... и художника не помню...

Свет из полутемноты...

Изображение какого-то святого...

Рибера Святой Себастьян?...

И в этой полутемноте —

свеча живая —

ты!...

И в этой полутемноте

весь на меня летишь ничком

большими и невидимыми крыльями огромный...

И только в пальцах растопыренных моих

чуть-чуть скользит живая теплота плеча...

Я твой подсвечник сумрачный серебряный,

побитый темный

А ты моя свеча,

ты длинная высокая и тонкая и нежная моя свеча...

В мою ладонь приходит, в пальцы —

так далеко... -

горячей косточкой, на солнышке согретой,

приходит это тихое твое плечо...

И нет, не так... А вот еще:

идет

пришло в мою ладонь твое плечо...

Вот косточка от персика...

а вот где сладкое само? —

пушиночное мягкое, колючее чуть-чуть —

щека...

И помнишь? —

ты стоишь и наклоняешь голову,

а я на цыпочках тянусь поцеловать —

щека...

А я тебя всего еще и не узнала...

Вот легкий хрящик плотно прилегающего ушка

почти без мочки...

вот и волосы — коричневая гривка —

вот сбились на зеленой наволочке...

и ресницы нежные во сне...

А ты чудесно говоришь;

сказал, что у меня внизу одна ракушка,

И небо звездное родимых пятнышек на узкой спине...

Не надо говорить об этом. Не надо...

Нехорошо об этом говорить...

Но я всегда найду, за что себя ругать,
корить...

Всегда...

Я обниму тебя за шею...

Я ничего не знаю, не умею...

Но ты меня за это не оставишь?
Не бросишь?...

Совсем одну,
чтобы одна осталась,
как раньше,
как всегда была одна...

Уже совсем не чувствую большого и чужого мира,
который окружает и грозитя...

Ты — все мое!...

смотрю пугливо...

вот сейчас...

переменилось выраженье серых глаз...

Не любит, нет, и не за что любить...

Глядит устало и болезненно и равнощущно...

и переносицу тихонько потирает
пальцами такими длинными...

Глаза болят?...

Открыть окно?... Ему, наверно, душно...

Конечно, я могу в отчаянии плакать,
умолять, просить...

Конечно, больно будет мне...

Но страшно то, что к этой боли я готова;

я этой боли стыдно жду...

привыкла,

может быть, невольно...

Привыкла в этой жизни боли ждать...

Поэтому не оставляй меня,

поэтому не делай больно...

Поэтому не уходи!...

И много мне не надо...

Я лицом прижмусь к твоей груди,

к твоей рубашке темной в клеточку,

послушаю твое сердечко бьется...

Вот и будет мне довольно...

Ты от меня не уходи...

не уходи...

Но у тебя есть способ золотой

меня заставить обо всем об этом

тоскливом и печальном

умеют губы вдруг вытягиваться вмиг,

растягиваться быстро так в улыбке —

улыбаться...

Ты улыбаешься...

твои глаза...

вот глаз большой в улыбке вытянулся —

длинная живая щелка...

Два зубика передние большие —

Вперед...

Колючий маленький подбородок...

длинный рот...

Ну как еще сказать?!... Ну что сказать иначе?!...

Все, все любимое мое...

Нос тянется вперед, большой и длинный...

Твое лицо в улыбке —

лицо —

немножко —

маленького мальчика,

немножко —

сказочного волка...

И вот еще:

когда поверить не могу

в тебя, в твое существование...

..... , ...
хватаюсь за руки твои,

сжимаю пальцы...

чтобы не чувствовать, что я одна, что без тебя...

чтобы не отдавать себя своей тоске...

Тогда ты улыбаешься и смотришь на меня...

и это —

как будто сквозь набросанные серые тона

чудесный светлый свет внезапно заиграет, задрожит

на мокрой тонкой акварели

на листке...

И пусть не говорят мне, что жизнь есть мнимость;

пусть не говорят мне это...

Потому что у меня есть ты...

Пусть это тленье убежит...

И вдруг уходят как-то вбок

такие серые глаза

и сердятся каким-то...

равнодушием? досадой?...

Господи, как больно мне становится тогда...

Но нет, не надо так бояться...

Ты не уйдешь, останешься...

Еще немножко этих слов найду —

и ты останешься,

Пусть это тленьё убежит...

Пусть скажут

когда-нибудь:

Андрей на свете жил...

Вот так... Вот так... вот больно сердцу моему...

Сейчас себя заставлю... подниму

себя в одних единственных усильях...

Все будет хорошо...

Все эти новые мои слова

они взлетят

на этих тонких и ещё неловких крыльях...

Пусть одни такие муки...

Но ты не будешь никогда никем забыт!...

И вот сейчас... вот... вот...

сожму до боли этой,

самой сильной,

пальцы... руки...

зажмурю мокрые от слез глаза...

И тленьё убежит...

и тленьё убежит...

Дмитрий Данилов

Так называется
Стихотворение Горация, ода
Как глупо звучит сейчас
Это название
Мне предложили
Написать стихотворение
По мотивам этой оды
И я согласился
И надо что-нибудь
Написать
Что тут напишешь
Тут разное можно написать
Напрашивается, конечно
Что-то о тщете
Всего сущего
О тщетности этих попыток
Воздвигнуть себе
Памятник
Который стоял бы
В веках
Не обязательно физически
Может быть, фигурально
Можно было бы написать

Который захотел воздвигнуть

Памятник самому себе

У него были

Очень большие ресурсы

Практически безграничные

Такое множество раз

Бывало в истории

Он думал, думал

Какой бы памятник

Ему воздвигнуть

Самому себе

И придумал

Столб из чистой меди

Цилиндр

Диаметром двадцать метров

И высотой

Метров триста

Или пятьсот

Или километр

И внушительный фундамент

Чтобы монумент

Монументум

Уходил вглубь Земли

Даже устроили
Благодаря влиянию
Автора монумента
В качестве испытания
Подобие ядерного взрыва
Многие погибли
Но монумент
Монументум
Устоял
А в нижней части монумента
Монументума
Была бы надпись
Золотыми буквами
Квинт Гораций Флакк
Или Хуан-Мануэль Эрнандес
Или Жан-Франсуа де Фландр
Или Джон Смит
Или Михаил Федорович Дурново
Или какая-то другая надпись
Не будем их множить
И стоял бы этот монументум
Многие сотни лет
И муниципалитет

Потому что все
Уже давно забыли
Кто такие
Квинт Гораций Флакк
Хуан-Мануэль Эрнандес
Жан-Франсуа де Фландр
Джон Смит
Михаил Федорович Дурново
Но этот бессмысленный столб
Очень трудно было выкорчевать
Очень трудно было с ним
Что-нибудь поделать
И он в результате
Так и остался стоять
Бессмысленный
Некрасивый
Ненужный
Хотели бы люди
Убрать его
Употребить его
По назначению
То есть сдать его
В приемку цветных металлов

Жителям города

Эта бессмысленная палка

Сверкающая на Солнце

И со временем

Они смирились

И признали, что

Квинт Гораций Флакк

Хуан-Мануэль Эрнандес

Жан-Франсуа де Фландр

Джон Смит

Михаил Федорович Дурново

Это выдающиеся личности

Выдающиеся жители

Этого города

И пусть уж, ладно уж

Маячит посреди города

В их честь

Эта бессмысленная железка

Медная штука

Сверкающая на Солнце

Может быть

Надо было бы

Как-то развить эту мысль

Но как-то не выводится
Надо бы ее оставить
Разве что прийти к выводу
Что монументы
Монументумы
Это в целом
Не очень хорошая идея
Со временем смысл их теряется
Ну и вообще
И тут в сознании автора
Происходит не то чтобы затемнение
Просто автор
Не знает
Что еще сказать
Как продолжить
Это малосодержательное
Высказывание
И автор
Почтительно замолкает.

2017

Николай Звягинцев

Дерево выстрелит по-флорентийски,
Выбьет пробки у всей страны.
Сегодня празднично у когтистых
Царей, кондукторов и артистов.
Какой вам нужно еще весны,
Когда идет молодой Гораций
С душистой хвоей в солдатском ранце
Для первых белок, для их бельчат.
Иголки вместе решат собраться,
Капли бешено застучат.

2017

Участники проекта:

Максим Амелин — поэт, переводчик, эссеист, исследователь, издатель. Родился в Курске. Автор книг стихов («Dubia», «Холодные оды», «Конь Горгоны», «Гнутая речь») и многочисленных переводов с латыни и древнегреческого. Лауреат премии журнала «Новый мир» (1998), независимой премии «Антибукер» (1998), поэтической премии «Anthologia» (2004), большой премии «Московский счет» (2004). Живет в Москве.

Фаина Гримберг (Гаврилина) — русский поэт, прозаик и переводчик. Окончила филологический и (заочно) исторический факультеты Ташкентского университета (1975). Лауреат поэти-ческой премии «Различие» (2013).

Гасан Гусейнов — филолог, автор нескольких книг и более ста статей по классической филологии и истории культуры, современной политике и литературе. Профессор Высшей школы экономики.

винтертур (швейцария).

Николай Звягинцев — поэт. Окончил Московский архитектурный институт. Автор шести поэтических книг. Стипендиат фонда Памяти Иосифа Бродского (2009), лауреат премии «Московский счет» (2013). Занимается графическим дизайном в сфере рекламы. Живет в Москве.

Данила Давыдов — поэт, прозаик, литературный критик, литературовед, редактор. Окончил Литературный институт, кандидат филологических наук, специалист по наивной и примитивной поэзии. Автор четырех книг стихов и прозы. Лауреат литературной премии «Дебют», премии «ЛитератураРентген». Живет в Москве.

Дмитрий Данилов — поэт, прозаик. Родился и живет в Москве. Автор восьми книг прозы и трех книг стихов. Лауреат премий журнала «Октябрь» (2013) и «Новый мир» (2012), поэтической премии Anthologia (2015).

Виталий Кальпиди — поэт, издатель. Автор 10 книг стихов. Лауреат премий имени Аполлона Григорьева, имени Бориса Пастернака, премии «Москва-Транзит». Главный редактор многотомного издания «Антология современной уральской поэзии». Живет в Челябинске.

Алексей Колчев — поэт. Родился в 1975 году в Рязани, где и жил. Учился на факультете русского языка и литературы РГУ и филологическом факультете МГУ. Книги стихов «Частный случай» (Шупашкар, 2013), «Несовершенный вид» (Нижний Новгород, 2013), «Лубок к родине» (Самара, 2013). Умер в 2014 году.

Николай Кононов — поэт, прозаик, арт-критик, издатель. Окончил физический факультет Саратовского университета, а затем в Ленинграде аспирантуру по специальности «Философские вопросы естествознания». Лауреат премий имени Аполлона Григорьева (2002), Андрея Белого (2009) и премии имени Юрия Казакова. Живет в Санкт-Петербурге.

Дед Хоссан (Валерий Нугатов) — русско-украинский поэт, прозаик, переводчик, перформанс-артист. Родился в 1972 г. в Полтаве (Украина). Окончил отделение иностранных языков Полтавского педагогического института. Переводил стихи и прозу с английского, французского и других языков. Автор 8 книг стихов. Живет в Москве.

поэтических сборников. Лауреат молодежной премии «Триумф» (2000).
Лауреат Григорьевской поэтической премии (2013).

Андрей Сен-Сеньков — поэт, прозаик. Родился в 1968 году в Тад-жикистане. Окончил Ярославский медицинский институт. С 2002 г. живет в Москве. Автор нескольких книг стихотворений. Дипломант премии «Московский счет» (2007, 2011), лауреат 2-го Тургеневского фестиваля малой прозы (2006). Живет в Москве.

Григорий Стариковский — поэт, переводчик. Родился в Москве. Окончил Колумбийский университет (кафедра классической филологии). Стихи, статьи, рецензии, проза, эссе и переводы печатались в журналах «Знамя», «Дружба народов», «Волга», «Ино-странная литература» и мн. др. Автор сборника стихов «Левиты и певцы» (2013). Живет в пригороде Нью-Йорка.

Мария Степанова — поэт, эссеист, журналист. Родилась в Москве в 1972 году. Выпускница Литературного института имени А.М. Горького (1995). Автор девяти книг стихов. Лауреат премий премии Андрея Белого (2005), премии «Московский счет» (Специальная премия, 2006; Большая премия, 2009), стипендиат Фонда памяти Иосифа Бродского (2010).

Евгений Стрелков — поэт, медиахудожник, редактор альманаха «Дирижабль». Родился на Урале в 1963 г. окончил радиофизический факультет университета им. Лобачевского. Автор книги стихов «Молекулы» (2015) и книги эссе «Фигуры разума» (2015). Живет в Нижнем Новгороде.

Издание Волго-Вятского филиала ГЦСИ в составе РОСИЗО и Free Poetry

Вступительная статья филолога и автора идеи данного сборника Гасана Гусейнова.

Графическое оформление и макет — Игорь Улангин.

Редакторы — Евгений Прошин, Александр Курицын.

Издание подготовлено в рамках фестиваля текстов об искусстве «Вазари».

Добавить в закладки

Поделиться

В коллекциях

Лучшее

Книги

Поэзия

Арсенал. Волго-Вятский филиал Государственного центра современного искусства в составе РОСИЗО

Добавить в коллекцию

Автор

Александр Курицын

Подписаться

Комментарии

Чтобы оставить комментарий, вам нужно [войти](#) или [зарегистрироваться](#) на «Сигме».

Другие тексты коллекции **Арсенал. Волго-Вятский филиал Государственного центра современного искусства в составе РОСИЗО**

Показать еще

Александр Курицын на «Сигме»

Лучшее за неделю

Показать еще

Издательства

Ad Marginem
Corpus
Common Place
Hyle Press
Libra
Strelka Press
Ивана Лимбаха
Издательский выбор Валерия Анашвили
Кабинетный ученый
Кучково поле
Новое литературное обозрение
Редакция Елены Шубиной
РИПОЛ классик
Свободное марксистское издательство
Сеанс
Циолковский

Журналы

INRUSSIA
L5
TZVETNIK
Вслух. О Новой музыке
Заря
Здесь
Иностранная литература
Strelka Press
Носорог
Опустошитель
Остальное — шум
Реч#порт
Синий диван
Стасис
Стенограмма
[Транслит]

Аудитория Меганом
Гараж
Гёте-институт
Европейский университет
Московская биенале
Новая Голландия
Смена
Фонд V-A-C
Центр имени Вс. Мейерхольда
ЦСИ ВИНЗАВОД
Шанинка

Спецпроекты

геометрия настоящего

Проект «геометрия настоящего» — фундаментальное исследование звука посредством локальных интервенций.

Вологодский дневник

Полевые записи Алексея Платонова в Вологодской области — в виде текста, видео и фотографий. Путешествие в провинцию в поисках себя.

Официальный блог 6-й Московской биеннале

Как жить вместе? Взгляд из центра города в самом сердце острова Евразия.

Беспокойный наблюдатель

К социологии и эстетике новой музыки в России в 1989–2014 годах.

Владимир Архипов. Имя формы. Саморазвивающийся музей на улицах города

Проект открытого народного музея самодельной вещи на улицах Москвы

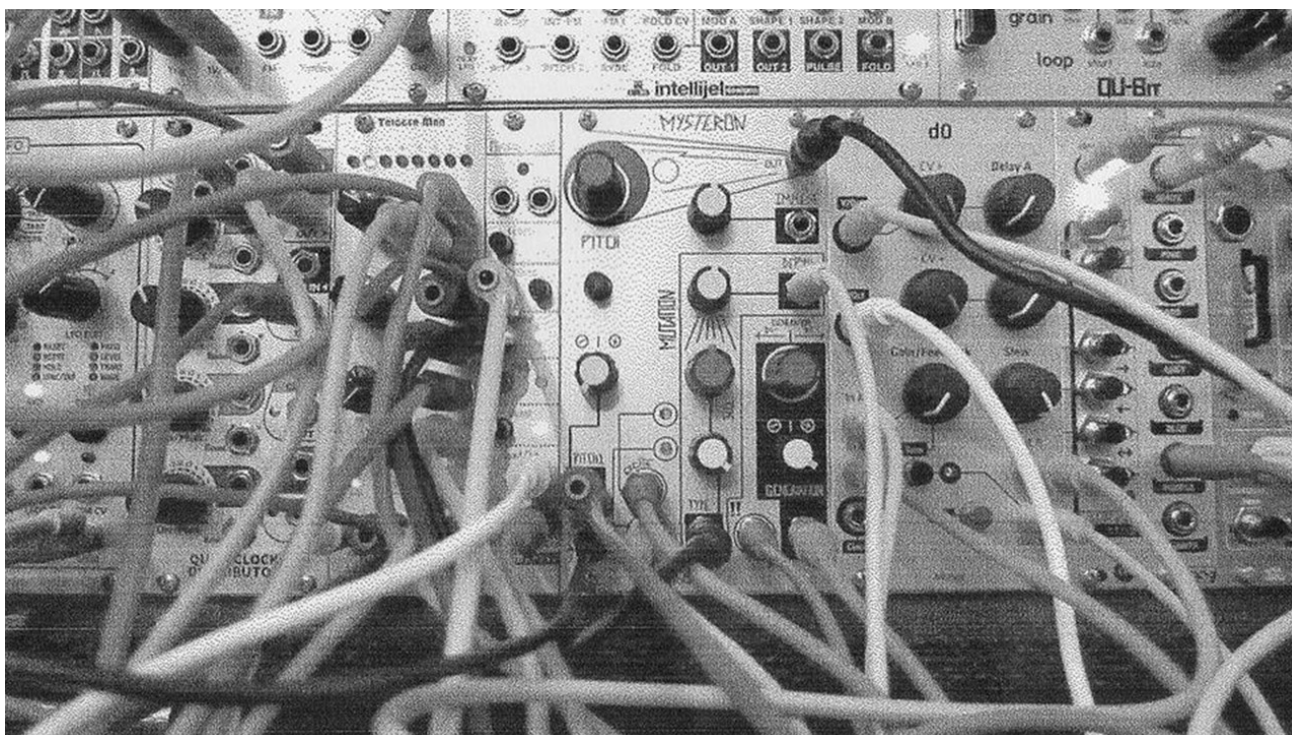
42 мая ацап

Проект-исследование, проект-путешествие как во времени, так и по географическим локациям.

Вниз по кроличьей норе: модульные синтезаторы в России

Кто, как и зачем извлекает звук при помощи модульных синтезаторов.

Специальный показ видеоработы Алексея Таруца. Проблематика роскоши, делегаты власти и экстраяркий новодел.

Transparlingua

Основы Руссенорска и проблемы российско-норвежских отношений в проекте Нади Дегтяревой и Ника Дегтярева.

Оставайтесь с нами на связи. Подпишитесь на наши соцсети, там мы публикуем лучшие материалы:

Facebook

Vkontakte

Telegram

Twitter

RSS